

Космополитизм в эпоху глобализации¹

ПРИЧИНЫ АКТУАЛИЗАЦИИ КОСМОПОЛИТИЗМА

Космополитизм — особый тип мироощущения, наиболее отчетливо проявляющийся в кризисные или переходные периоды культуры. Замеченный еще в античности, феномен космополитизма особую актуальность приобретает в эпоху глобализации, ибо индивид, осуществляя свою деятельность в транснациональном пространстве, получает действительные возможности для расширения границ (государственных, национальных), способствуя тем самым его переводу из разряда метафор в реальную характеристику самоидентификации. Исходным для исследуемой темы может быть высказывание киника Диогена Синопского. «На вопрос, откуда он, Диоген сказал: «Я — гражданин мира» (1). С тех пор феномен космополитизма оказывался предметом осмысления разных мыслителей, в результате чего «оброс» множеством смыслов, диапазон которых велик, и включает в себя как позитивные, так и негативные оценки. Злободневным и проблематичным представляется высказывание Аристофана «Где хорошо, там и родина» (2), расцениваемое в рамках парадигмы национального государства как весьма циничное. Двойное гражданство, эмиграция и профессиональная миграция, мобильность студентов, межнациональные браки, гибридизация культуры, транснационализация книжной торговли, импортирование и экспортирование периодики, искусства — это реальность наших дней, которая актуализирует проблематику формирования космополитического общества и культуры.

Осмысление феномена космополитизма не может быть проделано вне исторического контекста и конкретного изучения положения индивида в данном обществе. В настоящее время те, кто рассматривает процессы глобализации как объективные и многомерные, признают правомочность существования этого феномена и склонны исследовать его особенности на этом новом этапе эволюции культуры. Те же, кто противится процессам глобализации и видит в них лишь угрозу национальной, культурной, этнической самобытности и государственного суверенитета — чураются и осуждают проявления любых признаков всемирности и единения человечества, свидетельствуют ли они о себе в конкретных формах экономического сотрудничества и трансграничной целостности или в саморефлексии индивидов.

Приступая к анализу этого феномена, заметим, что автору этих строк близка точка зрения тех, кто признает, что «идея глобализации обладает большим позитивным потенциалом, заключающемся в про-

возглашении единства человечества, рассмотрении всей планеты в качестве общего дома землян» (3). Процессы глобализации неоднородны, они приводят как к позитивным, так и негативным результатам, они управляемы и познаваемы, именно поэтому необходимо их изучение на нынешнем этапе исторического развития, когда нельзя не видеть тенденции к преодолению национальной, культурной ограниченности и активного стремления человечества решать все возникающие проблемы сообща.

Следует признать, что осуществление политики глобализации влечет за собой ослабление национально-государственной политики. Этому способствует усиливающееся могущество транснациональных предприятий, которые могут экспортировать рабочие места туда, где расходы по найму рабочей силы и налоги самые низкие; рассредоточивать, благодаря разделению труда, производство продуктов и оказание услуг в разных местах мира, где вопрос о национальной принадлежности фирмы только может вводить в заблуждение; сталкивать интересы национальных государств в поисках мест с самыми низкими налогами и благоприятной инфраструктурой; самостоятельно выбирать место для инвестиций, для производства, для уплаты налогов и для жительства. Все эти черты отметил У. Бек в книге «Что такое глобализация?», где провел различие между характером власти, осуществляемой **национальным государством** (связанным с определенной местностью и вытекающими из этого неременными составляющими: изданием законов, защитой границ, контролем над членством), и характером власти, осуществляемой **мировым сообществом** (хотя понятие «власть» в данном случае, как отмечает сам автор, не совсем уместно). Представленное индивидами разных государств, принадлежащими к разным культурам, национальностям и соответственно несхожими нравами, обычаями и менталитетом, мировое сообщество пронизывает территориальные границы множеством разнообразных, не связанных с определенной территорией социальных зависимостей, рыночных отношений, сетью коммуникаций. Бек полагает, что, вторгаясь в сложившуюся всеохватывающую структуру национальных государств, мировое сообщество не нивелирует национальные особенности, не превращается в некое сообщество, вбирающее в себя и ликвидирующее все национальные общества, а представляет собой «отмеченный многообразием и не поддающийся интеграции мировой горизонт, который открывается тогда, когда он создается и сохраняется в коммуникации и действии» (4).

Признавая неизбежную трансформацию национальных государств, вступающих в процессы глобализации, следует различать ее масштабы: от полной денационализации, до возможной трансформации в государство транснациональное. Границы, на которых может удержаться национальное государство в этом процессе,

¹ Статья написана на основе доклада, прочитанного на международной конференции «Искусство и цивилизационная идентичность (Опыт функционального анализа кризисных ситуаций в искусстве и социуме)», организованной Государственным институтом искусствознания и Научным советом Российской академии наук «История мировой культуры» в июне 2006 г.

зависят от качеств, ему присущих: целенаправленной культурной политики по формированию транснациональных и сохранения национальных ценностей, привлекательности собственных национальных традиций, устойчивости менталитета, степени вовлеченности в глобализационные процессы и пр. В любом случае национальная идентичность ставится под сомнение, поскольку утрачивается региональная привязка, порождающая целый спектр ее составляющих, а это дает простор для формирования транснационального социального пространства, которое становится питательной почвой для возникновения космополитизма.

Процессы глобализации способствуют осуществлению и так называемого цивилизационного слома, о котором свидетельствуют разрушения многих базовых оснований моделируемой на протяжении нескольких столетий цивилизационной системы, поскольку «цели глобальной и цивилизационной общности коренным образом расходятся. Цивилизация стремится продолжить себя, глобализация стремится к освоению планеты как целого» (5). Привычные механизмы установления идентичности, сложившиеся в отдельных цивилизационных системах, трансформируются, а это вызывает к жизни потребности к установлению иных идентичностей разного порядка, в том числе и идентификации себя в качестве гражданина мира. Космополитизация не является только объективным процессом, она представляет собой и рефлексивный процесс.

КОСМОПОЛИТИЗМ КАК СЛЕДСТВИЕ ГЛОБАЛИЗАЦИИ БИОГРАФИИ

Изменения в социальных, хозяйственных, экономических, политических, финансовых, производственных и культурных сферах, вызванных процессами глобализации, идут не где-то в неопределенном пространство-временном континууме, а затрагивают конкретного человека и его личную жизнь и потому сопровождаются изменением человека, необходимостью расширения его миропонимания и мироощущения. В условиях меняющегося мира человек подчас вынужден преодолевать профессиональную и национально-государственную замкнутость за счет освоения культурного богатства человечества, что становится условием нового уровня его самопознания, самоопределения и самоутверждения и обеспечивает ему выход за сложившиеся ранее стереотипы мышления и идентификации. Кризис идентичности, повсеместно распространившийся в мире, характеризуется усиленным поиском «обретения себя», желанием преодолеть неопределенность, обрести «спасительную» идентичность, то ли в привычных формах, то ли в ее новых обличьях. Стремление сохранить былую идентичность побуждает к возведению заслонов на пути глобализации, лишаящей народ, как подчеркивают ее противники, условий привычной самоидентификации и сохранения самобытности. Используемое К.Б. Соколовым понятие «глобального менталитета» сходно, по нашему мнению, с понятием «нового космополитизма», поскольку утверждение глобального менталитета осуществляется в процессе «едва ли не универсального распространения сходных черт, стандартов и норм образа жизни, приобщения к общечеловеческим ценностям мышления и поведения» (6).

Новая позиция индивида в современном обществе представляет собой некую метаморфозу, ибо в отличие

от сложившихся ранее типов индивидуализации, когда индивид был жестко «привязан» к традиционным связям и социальным формам, к так называемым «ячейкам социальной сети» (вход и выход из системы образования, вход и выход из сферы наемного труда, социально-политические фиксации пенсионного общества и пр., которые перекрывали или заменяли семейные биографические ритмы), в нынешних условиях индивид получает возможность перехода от социально заданной биографии — к создаваемой самостоятельно. Для этого ему требуется активная поведенческая модель, некая «авторефлексия», эгоцентрическое мировоззрение, которые позволят перейти от типовой биографии, характерной для определенного государства или цивилизации, к сконструированной им самим. При таком подходе общественные детерминанты, вторгающиеся в собственную жизнь индивида, становятся «внешними переменными», которые можно смягчить, обойти, упразднить, проявив собственную выдумку, избрав свой вариант сборки биографического конструкта.

Таким образом, привносимые глобализационными процессами нестандартные формы обучения, работы, общения, проведения досуга и пр. приводят к тому, что «социально заданная биография трансформируется в самостоятельно создаваемую» (7). Понятием «сборка» У. Бек, на наш взгляд, удачно показал возможность конструирования собственной биографии. В условиях неимоверного расширения пространственных координат для профессиональной деятельности, упразднения многих политических и юридических границ для ее осуществления, освобождения от давления национальных традиций, возможности усвоения и приобщения к общечеловеческой культуре вне каких-либо ограничений теряется узкая территориальная или региональная «привязка» и индивид получает возможность ощутить себя гражданином мира. Тем самым «биография все более высвобождается из своего непосредственного жизненного круга и открывается поверх границ стран и опыта для некой дистанционной морали, которая потенциально заставляет индивида постоянно формировать собственное мнение. Погружаясь в незначительность, он в то же время якобы возносится на трон мироздания. Между тем как правительства (покуда) действуют в национально-государственной структуре, биография уже открывается всемирному обществу. Более того: всемирное общество становится частью биографии, хотя эту постоянную перегрузку можно выдержать только с помощью ее противоположности: пропускания мимо ушей, упрощения, притупления» (8). В приведенной цитате отмечены процессы конституирования создаваемой биографии посредством «фрагментарного» усвоения обширного ценностного арсенала культуры человечества, а также возможности ее «функционирования», позволяющие человеку быть включенным во все ситуативные моменты, измеряемые всемирным масштабом, что, собственно, и составляет смысловую нагрузку понятия «космополитизм».

Поскольку идентичность не задана и не определена традицией, а достигается посредством рефлексивной интеграции жизненного опыта в контексте биографического повествования о саморазвитии, постольку космополитизм снимает проблему традицион-

ной национальной или региональной идентичности и в изменившихся условиях становится новым типом самоидентификации. Обратимся к примеру. Известный современный философ Ю. Кристева, которая родилась в Болгарии, а ныне — профессор лингвистики в Сорбонне, считает себя космополиткой: «Мне очень близка идея космополитизма, доставшаяся европейской культуре в наследство от древних стоиков и получившая развитие в трудах французских мыслителей восемнадцатого века» (9). Комментируя это высказывание, приведем цитату из У. Бека, который, затрагивая проблему космополитизма, прибегает к понятию «глобализация биографии»: «Транснациональная полигамия в плане местожительства, полилокальный брак с различными местами жительства, относящимися к разным мирам, — это въездные ворота глобализации в частной жизни, они ведут к глобализации биографии» (10).

К ПРОБЛЕМЕ РАЗЛИЧИЯ КОСМОПОЛИТИЧЕСКИХ ВОЗЗРЕНИЙ

В процессы глобализации вовлечены страны с разным экономическим, политическим, социальным и культурным потенциалом, соответственно и масштабы глобализации каждого индивида оказываются разными, и условия формирования космополитических взглядов неодинаковы. Новые «глобализованные» богачи имеют неограниченные возможности в освоении глобализационного пространства и функционирования в мире глобализованной культуры. Именно они склонны к формированию космополитических воззрений, которые П.Ю. Черносвитов дифференцирует как «космополитизм субкультур верхних этажей современной социальной иерархии» (11). Космополитизированность глобализированной элиты признает и М. Кастельс; и в противоположность другим разнообразным движениям: феминистским, экологическим, национальным, религиозным и пр., которые он оценивает как потенциальные силы для формирования устремленной в будущее самобытности, ее он трактует как состоящую из индивидуумов, «обладающих менее ярко выраженной самобытностью («граждане мира»)» (12).

Новые глобализованные «бедняки» в меньшей степени вовлечены в глобализационные процессы. Их реальное пространство функционирования довольно невелико. Многообразие культуры, представляющее как возможность постижения современного мира для богатей, заменяется у них подчас суррогатом многообразия, которое несет в себе массовая культура — более доступная и агрессивная в завоевании своей аудитории. О «космополитизме современного массового общества», к которому можно приобщиться, но в котором невозможно сохранить свое национальное лицо, пишет В. М. Межуев (13).

В высших слоях глобализованного общества космополитизм возник от широты взглядов на мир и реальных возможностей реализации своих потребностей и удовлетворения интересов в масштабах мирового пространства; в низших слоях общества — от усвоения суррогатов массовой культуры и отсутствия возможности свободно осуществить свой выбор. В первом случае речь идет о реальном существовании в глобализованном культурном пространстве, во втором — о симулятивном в том смысле, что средства

массовой информации способствуют виртуальному расширению пространства и созданию возможности усвоения ценностей, норм, эталонов и пр. других культур, но реальной возможности для соприкосновения с иными культурами, кроме как информации о них, у такого индивида нет. Отличительной особенностью двух типов космополитизма является свобода выбора этого мироощущения, другое дело, что материал для отбора и критерии усвояемых ценностей — различны. Примером этого различия может служить судьба нескольких издательских проектов. Один из них, ориентированный на научную и художественную элиту: международный журнал «Cosmopolis», в котором все материалы публиковались на языке оригинала, издавался в 1896–1898 годах в Париже (14). С 1997 г. под этим наименованием в нашей стране издавался альманах «Космополис», который ныне прекратил свое существование. В настоящее время выходит на нескольких языках, в том числе и на русском, журнал «Cosmopolitan»; как утверждают его издатели, «самый популярный в мире журнал для молодых женщин, известный своим независимым стилем, помогающий женщинам решить свои проблемы, осуществить мечты и добиваться поставленных целей». Журнал рассчитан на массовую аудиторию, в отличие от первых двух названных изданий. Исходя из вышеизложенного, напрашивается вывод, что «космополитичность» культуры может иметь измерения, вытекающие из конкретных особенностей субкультур: элитарной, массовой, профессиональной, молодежной и пр.

Формирование космополитического мироощущения вызвано нивелировкой национально (государственно, регионально) окрашенных ценностей и усвоением индивидом ценностей разных локальных культур. Его мироощущение становится собранным из множества разрозненных, усвоенных только ему одному ведомому по какому принципу (или без такового), скорее случайно, составляющих. Эта сборка воззрений невольно приобретает некую целостность в том смысле, что ею располагает один субъект: целостность, включающая в себя разнообразие. Но все они оказываются совместимы и скреплены между собой не своей особенностью, а некоей всеобщностью, из которой и вырастает понятие «общечеловеческие ценности». В данном случае характер этой сборки, обеспечивающей мироощущение космополита, следует назвать универсальным, ибо оно утратило свою частную опосредованность и теперь измеримо масштабами всемирности.

Термины «космополитизм» и «универсальность» часто используются исследователями в одном смысловом контексте, ибо в равной степени характеризуют процессы, происходящие в современном мире. Д. Нэсбит и П. Эбурдин в своей совместной книге «Что нас ждет в 90-е годы? Мегатенденции: Год 2000», посвящая отдельную главу проблеме универсального образа жизни и противостоящему ему культурного национализма, начинают изложение с цитирования высказывания о том, что «мир все больше и больше становится космополитичным, и мы все влияем друг на друга» (15). Сближает в смысловом контексте эти понятия и цитируемая нами Ю. Кристева: «Как приверженец космополитизма Просвещения, я искренне верю: если у Европы есть будущее — несмотря на недавние этни-

ческие распри в Югославии, Чехословакии, Советском Союзе и т. д., — оно немислимо без духа универсализма. Мы должны преодолеть национальные границы как архаизм, уважая при этом национальные особенности» (16). Механизмы универсализации культуры в процессе глобализации приводят к совмещению многообразия в едином (17).

Если изначально понятие «космополит» характеризовали через нехватку или отсутствие: отсутствие идеи патриотизма, национальной принадлежности, чувства родины и пр., то мы предлагаем понятие «космополит» определять исходя из наличия и полноты: совмещение ценностей разных культур, национальных традиций, разнообразных региональных пространств. Тем самым космополит предстает как субъект, объединяющий в своем мироощущении множество человеческих измерений и тем самым способный понять индивидуальное своеобразие тех, кто предпочел сохранить свою национальную или иную традиционную самобытность.

ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ТВОРЧЕСТВО: ОТ ИНТЕРНАЦИОНАЛИЗМА К КОСМОПОЛИТИЗМУ

Можно утверждать, что художник в глобализованном обществе неизбежно — космополит, ибо для того, чтобы быть понятым всеми его членами, он должен использовать универсальный язык — язык, сложившийся в общем культурном ареале человечества; при этом он обретает небывалую ранее возможность преодолевать государственные границы и своей аудиторией считать весь мир. Эти всемирность и множественность были воплощены в художественном опыте еще постмодернистами, которые отработали своеобразные приемы ее (множественности) презентации, одним из которых стала интертекстуальность.

Стремление искусства расширять аудиторию — черта, присуща ему изначально. Именно поэтому так неумолимо изобретаются разнообразные формы его презентации, репрезентирования и трансляции. Художник хочет быть понятым и оценен всеми. И в этом случае национальная принадлежность, «служение» только одному народу, одной стране — ущемление его профессиональных интенций. В свое время на эту черту художественного творчества обращал внимание Гёте, который утверждал, что не может быть ни патриотического искусства, ни патриотической науки. Мировая литература, перспективы которой уже в то время он видел, это путь, прокладываемый искусством в направлении глобализации культуры. В этом же ключе может быть понята и мысль Герберта Уэллса: «Наша истинная национальность — человек» (18).

Широту мировоззрения художника ценил Х.Л. Борхес. Рассуждая о своеобразии творчества, он утверждал, что «нет такой вещи, как расовая или национальная чистота. И даже если бы она существовала, воображение вышло бы за эти границы. Поэтому национализм и литература — природные враги» (19). Писатель отрицал существование специфической аргентинской, или как ее называют «латиноамериканской» или «испаноамериканской» культуры и пояснял, что в Аргентине нет эксклюзивной привязанности к какой-то единственной европейской культуре. Говоря о себе и о писателях Аргентины в целом, он замечал: «Именно из-за нашей отдаленности от Европы у нас

есть возможность свободно, посредством художественной культуры заглянуть через Европу в Азию и другие регионы» (20).

В советское время отдельных писателей обвиняли в космополитизме. Те, от кого исходили эти обвинения, были правы в том смысле, что настоящий писатель адресует свое творчество всему человечеству. Такое обвинение сегодня мы склонны рассматривать как похвалу. Космополитичным писателем был В. Набоков, поэт И. Бродский, к ним можно причислить М. Ростроповича, чья творческая деятельность охватывает весь мир, — и мы вправе гордиться таким соотечественником. Сошлемся на высказывание Венедикта Ерофеева, подкрепляющее проводимую нами идею об изначальной космополитичности художника, но разъясняющее, что космополитизм совсем не обязательно устраняет патриотизм: «Что же, и я Россию люблю. Она занимает шестую часть моей души» (21).

Процессы интернационализации и транснационализации в равной мере могут характеризовать художественное творчество, однако различие состоит в их исторической последовательности. Вернемся еще раз к воззрениям Борхеса, которого подчас называют патриархом постмодерна. В рассуждениях писателя фигурирует понятие «интернациональный» писатель: «Отсутствие принадлежности к однородной «национальной» культуре, возможно, свидетельствует не о бедности, а о богатстве. В этом смысле я «интернациональный» писатель, живущий в Буэнос-Айресе. Мои предки, как я уже говорил, принадлежат к различным нациям и расам, а я в юности много путешествовал по Европе, особенно долго жил в Женеве, Мадриде и Лондоне, где выучил несколько языков — немецкий, древнеанглийский и латынь. Это многоязычное обучение позволяет мне играть словами, как прекрасными игрушками, входить, как говорил Браунинг, в «великую игру языка» (22). Для соотнесения взглядов писателя с рассматриваемыми нами вопросами обратимся вновь к идеям У. Бека, который в 1999 году обсуждает тему «перехода от национального государства к космополитическому обществу» и трактует этот переход как парадигмальный сдвиг, как «переход от мирового порядка национальных государств к космополитическому мировому порядку» (23). Полагаем, воззрения Борхеса пришлись именно на этот переходный период. Его этническая идентичность, включая национальную идентичность, оказались плюралистичными. В этом случае можно предположить, что космополитический проект не отменяет, а закрепляет и распространяет национальный проект.

Речь идет о процессах, в которых происходит поглощение и адаптация инокультурного материала, посредством чего расширяется собственное художественное пространство и соответственно предполагаемая аудитория. Эта позиция радикально отличается от той, которая выражается уверенностью в миссии искусства быть носителем и хранителем преимущественно национальной идентичности. Эти изначальные черты искусства как детерриториализация, трансгрессия или экспансия, особенно в его новоевропейском варианте, в котором «трансгрессия заложена как имманентное определяющее свойство», усиливающееся под воздействием глобализационных процессов, отмечают

и другие авторы (24). Транснациональная литература деконструирует культурные основы современности. М.В. Тлостанова обращает внимание на то, что «возникает целая группа писателей, которых можно назвать условно вненациональными, транскультурными авторами, не вписывающимися в привычные критические модели и клише» (25). Позиции этой транскультурной литературы все более усиливаются.

* * *

Многие современные гуманитарии сходятся во мнении, что перспективы развития мирового сообщества не ясны. Наряду с рядом возможных, частично конкурирующих и частично взаимодополняющих перспектив, У. Бек рассматривает перспективу «**космополитической демократии**», которая «основывается не только на опыте самопостижения гражданского общества, но и на транснациональной значимости основных прав» (26). Обращаясь для разъяснения этого положения, он поясняет, что «суть заключается в дифференциации прав подданных различных государств, а значит, в конечном счете, в гарантиях права мирового гражданства для всех» (27). При этом он отмечает парадоксальность ситуации, которая состоит в условии одновременного наличия прав национального государства и прав мирового гражданства, которое предусматривает гарантию космополитических правоотношений. В реализации отношений между участниками реализации такой перспективы развития мирового общества он предусматривает возможность реализации одной из трех моделей: реально-политической, интернационалистской и космополитической. Если в первых двух моделях решающую роль играют национально-государственные судопроизводства, то в космополитической в центре анализа находится индивид, права которого поддерживаются ООН. Автор идеи «космополитической демократии» отмечает множество нерешенных проблем, встающих при ее возможном внедрении, и высказывает лишь надежду на ее реализацию.

Космополитизм — это возможность формирования в новых условиях новой идентичности, это ответ на меняющийся мир. Мы не знаем, как будет развиваться далее человечество: будут ли набирать силу процессы интеграции, взаимодействия и осознания взаимозависимости людей, или же усилится сопротивление глобализационным процессам и именно оно задаст тон последующему развитию культуры. В зависимости от развития этих возможных сценариев и будут складываться оценки исследуемого нами феномена — космополитизма. Будущее покажет.

Примечания

1. Диоген Лаэртский. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов. М., 1979. С. 254.
2. Душенко К.В. Большая книга афоризмов. Изд. восьмое. М., 2004. С. 707.
3. Соколов К.Б., Жидков В.С. Судьбы национальной, этнической и массовой культуры в условиях глобализационного мира // Глобализация в культурологическом измерении. М., 2005. С. 168.

4. Бек У. Что такое глобализация? Ошибки глобализма — ответы на глобализацию. М., 2001. С. 28–29.

5. Ионов И.Н. Глобальная история и история мировых цивилизаций // Глобальная история и история мировых цивилизаций Вып. 5. М., 2003.

6. Соколов К.Б. Национальная идентичность и историческая память // Искусство в контексте цивилизационной идентичности. Т. 1. М., 2006. С. 142.

7. Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну. М., 2000. С. 199.

8. Бек У. Общество риска. С. 201.

9. Кристева Ю. Чуждые сами себе: мечта об исключительности // Керни Р. Диалоги о Европе. М., 2002. С. 17–18.

10. Бек У. Что такое глобализация? С. 132.

11. См.: Черносвитов П. Ю. Космополитизм как самоидентификация: перспективы // Искусство в контексте цивилизационной идентичности. Т. I. М., 2006. С. 182.

12. Кастельс М. Могущество самобытности // Новая постиндустриальная война на Западе. Антология. М., 1999. С. 299.

13. Межуев В.М. Культурно-национальная идентичность как проблема современного этапа общественного развития // Глобализация в культурологическом измерении. С. 267.

14. Межуев Б. Сотворение космополиса. <http://www.politstudies.ru>.

15. Нэсбит Д., Эбурдин П. Что нас ждет в 90-е годы? Мегатенденции: Год 2000. Десять новых направлений на 90-е годы. М., 1992. С. 135.

16. Кристева Ю. Чуждые сами себе: мечта об исключительности // Керни Р. Диалоги ... С. 17–18.

17. См. подробнее: Дианова В.М. Процессы универсализации культуры в контексте глобализации // Культура на рубеже XX–XXI веков: глобализационные процессы. М., 2005.

18. Цит. по: Душенко К.В. Большая книга афоризмов. Изд. восьмое, испр. М., 2004. С. 496.

19. Борхес Х. Л. Европейский писатель в изгнании // Керни Р. Диалоги о Европе. М., 2002. С. 127–128.

20. Там же.

21. Цит. по: Душенко К.В. Большая книга афоризмов. С. 573.

22. Борхес Х. Л. Европейский писатель в изгнании. С. 128.

23. Бек У. Перспектива космополитизма: социология второй эпохи модернити // Информационное общество: экономика, власть, культура. Хрестоматия. В 2 т. Новосибирск, 2004. Т. 2. С. 12.

24. Бернштейн Б.М. Три стрелы глобализации искусства // Методология гуманитарного знания в перспективе XXI века. Материалы международной научной конференции 18 мая 2001 г. Санкт-Петербург. СПб., 2001. С. 278.

25. Тлостанова М. В. Глобализация и литература // Глобализация в культурологическом измерении М., 2005. С. 133, 138.

26. Бек У. Что такое глобализация? С. 163.

27. Там же. С. 163–164.

² Дианова В. М. — доктор философских наук, профессор, заведующая кафедрой теоретической и прикладной культурологии Санкт-Петербургского государственного университета.